

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ГОСПОДА,
ПРОШУ
К БАРЬЕРУ!

Валентин Пикуль

**Господа, прошу к
барьеру! (сборник)**

«ВЕЧЕ»
1954-1990

Пикуль В. С.

Господа, прошу к барьеру! (сборник) / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
1954-1990

ISBN 978-5-4444-7030-5

Исторические миниатюры Валентина Пикуля – уникальное явление в современной отечественной литературе, ярко демонстрирующее непревзойденный талант писателя. Каждая из миниатюр, по словам автора, «тоже исторический роман, только спрессованный до малого количества». Миниатюры, включенные в настоящее издание, представляют собой галерею портретов бесстрашных защитников Отечества и других исторических личностей XVIII – начала XX века.

ISBN 978-5-4444-7030-5

© Пикуль В. С., 1954-1990

© ВЕЧЕ, 1954-1990

Содержание

Закрытие русской «лавочки»	6
Мангазея – златокипящая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Пикуль

Господа, прошу к барьеру!

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© Пикуль А.И., составление, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Заккрытие русской «лавочки»

Старая королева (не королева!) Анна Ягеллонка ехала из Кракова в свои владения. Скупо поджав морщинистые губы, она перебирала четки, изредка поглядывая в окно кареты. Вокруг было пустынно и одичало. Где-то на дорогах древней Мазовии ей встретилось одинокое засохшее дерево. На его сучьях болтались два удушенника, а под деревом – с обрывком петли на шее – сидел босоногий монах с изможденным лицом:

– Слава Иисусу! Моя веревка лопнула.

– Кто ты сам и кто эти повешенные люди?

– Мы не люди – мы псы Господни. Нас послал великий Рим, с благословения папы мы несем бремя ордена Иисуса Сладчайшего, дабы внушать страх еретикам, дабы содрогнулся мир безбожия и прозрели души, заблудшие во мраке ереси.

Анна Ягеллонка догадалась, кто он такой:

– Ступай же далее путем праведным, в Варшаве для вас хватит дела, будешь лаять на отступников божьих...

Так появились в Польше первые иезуиты; проникновение в любую страну они называли «открытием лавочки» (конгрегации). Но за католической Польшей лежала загадочная Русь, а Ватикан давно желал покорить ее духовно, подчинить себе народы – русских, украинцев и белорусов. Вслед за первыми «псами Господними» скоро появятся и другие, ловкие и бесстрашные, среди них будет и Антонио Поссевино. Об этом человеке очень много писали до революции, не забывают его и сейчас. Я бы сказал, что имя Поссевино три столетия подряд тянется через всю Европу, оставляя нечистый след в летописи нашего многострадального государства. Но что мы знаем о нем?

Был 1534 год, когда в семье бедного бондаря из Мантуи, под стук сколачиваемых винных бочек, раздался первый крик новорожденного, и бондарь в гневе отпихнул ногой бочку:

– Еще один! Чем я буду кормить этого заморыша?..

Но «заморыш», вступив в пору юности, оказался чертовски умен, пронырлив и талантлив, почему кардинал Геркулес Гонзаго сделал его своим личным секретарем. Отправляя племянников в Падуанский университет, он наказал Поссевино:

– Ты поедешь с ними, дабы следить за их нравственностью, заодно укрепи себя в науках – теологии, истории, философии...

Падуя всегда славилась отчаянным вольнодумством, в будущих патерах римского престола не было и тени святости. Всюду следуя за племянниками кардинала, Поссевино не препятствовал их безобразным оргиям, терпеливо выслушивал непотребные анекдоты о женских монастырях. Общение с проститутками заменяло богословам священную мессу, а пьянство – святое причастие. Побаиваясь насмешек, Поссевино посещал храмы тайно, в частной жизни он строго следовал заветам аскетизма...

На это обратили внимание в ордене иезуитов.

– Что главное ты видишь в булавке? – спросили его.

– Острие.

– Что примечательно в алмазе?

– Сияние.

– Но впредь ты должен ценить в алмазе не сияние, а лишь его бесподобную твердость, какой станешь обладать сам, и ты сделаешься острее булавки, дабы проникать в сокровенное душ... Скажи честно, ты хочешь повелевать людским стадом?

– Хочу! – бестрепетно отвечал Поссевино...

Впоследствии нунций Болоньетти писал о нем: «Платит клеветой за дружбу... проявляет жадность к деньгам и подаркам. Страшно любопытен и пронырлив, всюду стараясь пронюхать

чужие дела, умело влезет в чужую душу». Беспощадная машина иезуитов обработала Поссевино как следует. Орден, созданный Игнацио Лойолой, всегда отвергал услуги людей хилых, робких или медленно соображающих. «Пес Господень» обязан быть вынослив, словно ишак на горной тропе, терпелив, как узник, осужденный на вечное заточение, изворотлив, будто гад ползучий. Шла постоянная тренировка воображения, логики в мыслях и поступках. Поссевино учили запоминать лица и одежды, повадки и характеры, имена и даты, события и цитаты древних авторов. Поссевино терзали бессонницей, ему не давали есть, голодный, он с утра до ночи перегружал тяжкие камни с места на место; при этом его утешали суровые наставники-менторы:

– Помни: чем лучше, тем хуже, и чем хуже для всех, тем лучше для нас. Не бойся смерти: она ведь неизбежна! Но будь спокоен. Ведя с человеком беседу, не подымай глаз выше его подбородка. Даже услышав выстрел из пушки, поворачивай голову с величавым достоинством... В этом проклятом мире ты всегда будешь прав, а другие останутся всегда виноваты.

По свидетельству его биографов, Антонио Поссевино обладал «очаровательной внешностью», его организм не ведал усталости. Он мог обходиться без еды и даже без сна в долгой дороге, а по ночам писал, чтобы на рассвете продолжить свой путь. С каждого своего письма он привык снимать копию. Ему исполнилось 25 лет, когда его приняли в «Общество Иисуса». Поссевино воспринял как должное прочтенные ему слова пророчества от Исайи, которые иезуиты относили лично к себе:

– Цари и царицы будут кланяться тебе до земли и будут облизывать прах ног твоих. Будешь насыщаться молоком народов земных и груди царские сосать станешь. И люди твои наследуют землю, яко состояние твое...

Поссевино готовили для заговоров и пропаганды. Ему внушали, что пропаганда никогда не ведется снизу – только с высоты престолов: иезуиту нет дела до того, что думают народы, они обязаны управлять народами через волю монархов.

– А когда не можете действовать – наблюдайте!

– Наблюдая, вмешиваться ли мне в события?

– Затем мы и созданы, чтобы с престолов королей, униженных нами, унижить народы, и только одни мы будем возвышены над миром. Презирайте врагов: способные отражать нападения мечом, враги бессильны и жалки перед клеветой и сплетнями...

Антонио был порождением своей эпохи – прекрасной и в то же время страшной! Европа еще не выбралась из потемок Средневековья, когда Италия осветилась блеском Возрождения, Германия уже преподнесла миру образцы Реформации, а со стороны Испании еще клубился дым костров инквизиции. Церковь Рима не знала пощады: были такие города в Европе, где сжигали на поленницах дров по десять еретиков ежедневно; в Трире и его окрестностях остались живы только две женщины, остальные, не выдержав пыток, сознались, что они ведьмы (их, конечно, сожгли!). Человеческая жизнь в ту эпоху была слишком коротка, потому люди спешили жить – они рвались в битву, пропадали в таинственных странах, их привлекали авантюры в политике и славная смерть на рыцарских турнирах за «перчатку дамы». Реформация породила лютеранство, а протестанты стали главным врагом воинственного католицизма...

– Испытайте себя в Савойе, – было велено Поссевино.

«Испытание» прошло блестяще: город был охвачен враждой, на улицах возникла резня, всюду валялись трупы протестантов, убитых католиками, а все имущество мертвецов Поссевино перевел в кассу ордена Иисуса Сладчайшего.

– Великолепно, – одобрили его. – А теперь...

Теперь пришел черед Франции. Когда в иезуитской коллегии Авиньона появился молодой и красивый богослов, читающий лекции, никто не думал о нем плохо. Даже когда в Тулузе убили пять тысяч гугенотов (протестантов), студенты не догадывались, что это дело рук их спокойного, вежливого профессора, который со слезами говорил о погибших «еретиках». Не

знали они и того, что по ночам Поссевино работает над планом поголовного уничтожения гугенотов во Франции. Поссевино навестил и Париж, где быстро нашел отмычки к сердцу королевы Екатерины Медичи. Ночь на 24 августа 1572 года вошла в историю Европы как «Варфоломеевская»: всего во Франции было тогда зарезано триста тысяч гугенотов...

Поссевино сделали ректором Авиньонской академии!

В 1573 году, вызванный в Рим, он стал секретарем всего «Общества Иисуса»; неутомимый, он много писал, прославив себя страстной полемикой с лютеранами. В это время на престол наместника Божия воссел папа Григорий XIII:

– Кажется, я образумил людское стадо. В Риме даже евреи и магометане раз в неделю обязаны прослушать христианскую проповедь. Но сейчас мои взоры устремлены на восток.

– Ваше святейшество, не пора ли нам поторговать в польской «лавочке»? – склонился Антонио Поссевино перед папой.

– Пора! Но прежде мы образумим Швецию...

Швеция казалась Ватикану уже потерянной для католицизма, даже ее король Иоанн III принял лютеранскую веру. Поссевино скинул с себя нищенскую рясу и появился в Стокгольме, облаченный в изящный костюм аристократа. Шведские аристократки были очарованы жгучим красавцем. Прирожденный актер, он пленял их галантной учтивостью, всегда готовый любить и наслаждаться. Принятый при дворе, Поссевино в своем духе воздействовал на королеву, в которой возбудил фанатическую веру католички, но при этом перессорил в Стокгольме жен с мужьями, низы с верхами, взбаламутил все общество. Поссевино верно учитывал в людях их сильные стороны, старательно выискивал их слабости, чтобы затем играть на струнах тщеславия, ревности, жадности или соперничества.

– Мне очень смешно! – без тени улыбки на лице говорил Поссевино своим коллегам. – Даже сворой бездомных собак, наверное, управлять труднее, нежели этой стаей двуногих... О, как трусливы мужчины, грозно бряцающие оружием! О, как омерзительны женские натуры, алчущие радостей для своей плоти!..

Римская курия назначила его тайным «викарием всего севера». Твердый как алмаз в своих убеждениях, Поссевино сделался острием той булавки, на которую следовало «наколоть» воедино, словно бумажки, три страны: Швецию, Польшу и Московию, дабы – верные теперь одному Риму! – они в интересах Ватикана сражались с Турцией. Конечно, могущество Руси будет подорвано, а тогда царю можно предложить свою помощь.

– Но в ответ на мою помощь, – рассуждал папа, – Русь обязана принять Флорентийскую унию, дабы подчиниться моему святейшеству, как дети малые подчиняются отцу разумному...

Все варианты Ватикана были продуманы Поссевино, в руках этого оборотня вдруг оказалась полнота гигантской власти над странами, над народами, над каждым человеком – отдельно. Сейчас его планам мешала Ливонская война, которую вел Иван Грозный в Прибалтике, а совсем недавно крымский хан Девлет-Гирей дошел до Москвы и спалил ее. Все удаchi Иван Грозный приписывал лично себе, зато на каждую неудачу отвечал лавиной террора. Русский народ, народ мужества и отваги, объяли страх и подозрительность, люди боялись друг друга. Как указывал Ф. Энгельс, террор – «это господство людей, которые сами запуганы. Террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают ужас...»

Настал 1576 год. Чем насытим мы эту дату? Иван Грозный по-прежнему лютовал и, юродствуя, сажал на русский престол касимовского татарина Симеона Бекбулатовича; своего личного врача Елисея Бомелия царь изжарил на вертеле, его вращали над пламенем костра, словно индюшку; тогда же царь сыскал себе шестую жену, Василису Мелентьевну. При дворе Екатерины Медичи кавалеры и дамы учились танцевать вальс, только что изобретенный. В возрасте ста лет скончался великий Тициан, но он жил бы и дольше, если бы его не погубила чума. Наконец, в этом году закончилось «безкрулевые» в Польше...

Последнее событие – самое важное для России!

Короли на улицах не валяются. В разброде шляхетских мнений магнаты договорились до того, что хотели призвать на престол даже Ивана Грозного. Наконец шляхта сообразила:

– Да чего там искать? Есть же у нас старая королева Анна Ягеллонка, вот пусть и станет королевой польскою.

Анне Ягеллонке уже пошел седьмой десяток лет:

– Но какая ж я королева, если у меня нет короля? Сначала найдите мне мужа, а потом делайте что хотите...

Мужа для нее сыскали в соседней Трансильвании, это был воевода Стефан Баторий, которого иезуиты опутали еще в юности, когда он учился в Падуе. Сами же поляки не жаловали свирепого мадьяра, и на это у них были причины. Стефан был зверски жесток, особенно когда выпьет лишнего, а сестра его, чтобы иметь нежную кожу, делала себе «косметические» ванны из крови маленьких девочек, и об этом в Польше давно знали по слухам¹. Но, втайне поддержанный иезуитами, Стефан Баторий все-таки воздел на себя древнюю корону Пястов, приняв условие шляхты: взять в жены престарелую Ягеллонку. Однако ему было не до любви, он видел себя покорителем Москвы.

– Если Девлет-Гирей только спалил ее, как дрова, так мы сделаем своей вотчиной, и Рим всегда благословит нас...

Ватикан уже не снимал руки с пульса буйной Варшавы.

– Баторий для нас – вестник божий! – провозгласил Антонио Поссевино. – Пусть скорее обрушивает меч на головы варваров, погрязших в давней византийской схизме...

Сами же поляки, уже по горло сытые вечными войнами и раздорами, идти походом на Русь не желали, как не хотели они и оплачивать войну нового короля. Баторий набрал в Европе всякой швали – наемников, и поляки терялись в массе немецких ландскнехтов, шотландцев, французов, литовцев и швейцарцев; увы, в армии Батория были и... русские! Дабы управлять этим сбродом, прежде следовало внушить наемникам надежды на богатую поживу и веру в счастливую звезду каждого.

Помог папа Григорий XIII, переславший в дар Баторию золотой шлем и оружие, освященные им в ночь на Рождество Христово, и вся авантюра обрела в глазах наемников облик «святости». А прежние интриги Поссевино в Стокгольме дали зловещий результат: Швеция вступила в союз с Баторием – против Москвы! Вот тогда, тихо и незаметно, в Польшу въехал сам Поссевино, и, бесшумный как тень, бесплотный как дух, он предстал перед «крулем» со взором, опущенным долу:

– Начиная войну с отступниками от истинной веры, вы свершаете богоугодное дело. У престола Божия мыслят одинаково с вами: покорение схизматов-москвитов сейчас для церкви значит гораздо больше, нежели изгнание турок из Европы...

Баторий уже титуловал себя «государем Ливонии», а войска Ивана Грозного давно хозяйничали в Прибалтике, не в силах овладеть только Ригой и Ревелем. Беседа с Поссевино, король не скрывал от него своих вероломных замыслов:

– Если война с Русью угодна Богу, то к делам во имя Христа, Спасителя нашего, я согласен привлечь хана крымского и султана турецкого. Прошу заверить его святейшество, что не сделаю ни единого шага, прежде не сверив его с мнением Рима!

В своих отчетах Ватикану Поссевино отметил и «детское послушание» короля. Он раскатал упругий свиток карты, сказав главное, давно продуманное в тишине римской кельи:

---

¹ Елизавета Баторий была поймана с поличным в своем замке Шейт, когда число ее жертв, детей, достигло 800, она умерла от яда в вечном заточении (1614 г.), а пособники в добывании детской крови были сожжены венграми заживо.

– Не сделайте ошибки, король! Зачем начинать войну в самой Ливонии, опустошенной долгой бранью и пожарами, если перст свыше указывает вам совсем иной путь.

– Куда? – хмуро глянул в карту Баторий.

– Ведите войско сразу на Русь, берите Полоцк, Великие Луки и Псков, после чего армия царя Ивана, оставшись в голодной Ливонии, не сможет вернуться назад – в Москву.

– Приемлю мудрое указание перста с высот горних!

– Взяв русские крепости, – упоенно продолжал Поссевино, – вы сразу откроете себе путь на Москву, заставив москвитов убраться в Азию, где в дремучих лесах эти варвары разделят свою трапезу с дикими зверями, сами уподобясь зверям...

Советский историк Л. Вишневецкий писал по этому поводу: «Интересно, что этим же планом иезуитского ордена впоследствии руководствовался Наполеон. Этот план считал откровением своего таланта и Гитлер!» И так, война началась... Тайные агенты Батория и перебежчики докладывали королю, что царь Иван Грозный засел с малым войском во Пскове и, часто приходя в гнев, избивает своего сына Ивана палкою по телесам.

– Пусть, – хохотал Баторий, – царь лупит царевича, а я стану бить самого царя во славу истинной веры...

Иван Грозный, сидючи во Пскове, получил от него послание: «Если хочешь мира, отдай мне Новгород, Псков и Великие Луки со всеми землями Витебска и Полоцка, а также всю Ливонию...» Царь, мнивший о себе, что Рюриковичи ведут свой род от Августа, императора римского, считал Батория просто ничтожным «хамом». Плохо ориентируясь в том, что творится на белом свете, и посылая обратных гонцов к Баторию, он требовал для себя даже... польской короны Пястов (с головы Батория!).

– Но корона – не горшок с кухни, – отвечал король.

Полоцк пал. Но прежде его жители – от мала до велика – явили захватчикам такие образцы отваги, что сам Стефан Баторий был поражен и отмахнулся от поздравлений Поссевино.

– Я много воевал, я немало пролил крови, – сказал он. – Но русские показали, что в бою они превосходят иные народы. Впрочем, комплименты Рима приемлю, ибо разделил мою радость: ворота, ведущие на Русь, мною взорваны...

Иван Грозный трусливо бежал в Москву, слал гонца за гонцом к Баторию, униженно вымаливая себе мира, словно нищий, который просит богача не отказать ему в хлебе. Баторий принимал послов, даже не сняв перед ними шляпы, а послы имели наказ от царя: терпеть все, даже если их станут... *бить!* Одновременно шведы высадили десант в Ревеле, осаждали Нарву, а с юга нападали на Русь, терзая ее окраины, крымские ханы. Баторий, распахнув кунтуш и держа кубок с венгерским вином, попросту издевался над послами царя:

– Может, ваш царь даст мне четыреста тысяч золотых дукатов? Тогда я перестану сердиться, а на эти деньги буду отливать новые пушки для извержения на Москву ядер...

В августе 1580 года король осадил Великие Луки; крепость эта считалась тыловой, никто не думал о ней, бревенчатые стены давно обветшали. Иван Грозный в письмах к Баторию упрекал его в жестокости за то, что его войска стреляли раскаленными пулями. Сам же он в это время в седьмой раз женился – на Марии Нагой, а заодно начал свататься к английской королеве Елизавете, прося у нее убежища в Англии на тот случай, если придется убежать из России. Пока он там брачевался, великолукцы героически отбили атаки Батория, сделали вылазку и захватили даже личное знамя короля – прапор.

– Так раскалим пушечные ядра докрасна! – разъярился Баторий, и, когда город запылал, он смотрел, как из пламени улиц выбегают его защитники с детьми и женами. – Зарежьте всех мужчин, – повелел король. – Не щадите пленных...

Россия находилась в политической изоляции: если Батория поддерживала вся Европа, то у русских не оказалось союзников – такова-то была «мудрейшая» политика Ивана Грозного,

слишком уверенного в своих «талантах». Города и деревни на Руси стояли впусе, напоминая кладбища, все разбежались от репрессий и поборов, воевать стало некому, дворяне скрывались в лесах, ютились за стенами монастырей, принимая схиму, чтобы не служить царю-извергу. Не стало в стране ни богатых, ни бедных – все, дворяне и крестьяне, сделались нищими...

Что еще напомнить из примет того гиблого времени? В 1580 году из алжирского плена был выкуплен изможденный однорукий бедняга, мало озабоченный славой в потомстве, – это был Сервантес, думавший о будущих подвигах Дон Кихота. А «генералом» ордена иезуитов стал молодой и напористый Клавдий Аквавива, который издали упрекал своего легата Поссевино:

– Ваша лавочка в Польше плохо торгует! Шире раскидывайте свои сети, чтобы в них сама лезла глупая рыба...

На самом же деле «лавочка» Поссевино «торговала» с большим доходом: повсюду, словно поганки после дождя, появлялись иезуитские коллегии, и главная из них – в Вильне, где готовили «псов Господних». Аквавива создал в Риме особую коллегию «Руссикум», в нее завлекали православных и даже пленных, дабы обратить их в проповедников идей Ватикана.

...В августе 1581 года король Стефан Баторий начал осаду Пскова! У нас часто репродуцируют знаменитую картину Яна Матейко «Стефан Баторий под Псковом». Вспомните, как в тени шатра сидит мрачный и грузный король, возле него, жестикулируя гибкими пальцами, словно фокусник, стоит злобный Поссевино, а подле – в униженных позах – согнулись рабочие фигуры русских, умоляющих короля о пощаде. Картина выполнена блестяще, но исторически несправедливо. В ней все верно – и мрачный король, и Поссевино, строящий злые козни, но только никто из защитников Пскова не сгибался перед ними в дугу, как это представил Матейко... Сколько лет прошло с той поры, сколько подвигов вписал русский человек в летопись нашей боевой славы, но и по сей день оборона Пскова осталась в памяти России самой блестящей, самой непорочной страницей народного мужества!

Баторий привел под стены Пскова, наверное, около ста тысяч рати, собранной из подонков Европы, желающих добычи от грабежа. Под ударами мощных ядер рушились здания, в воротах города остервенело рубились мечами. Враги, устремляясь в проломы, овладели Свиной башней, чтобы с ее высоты удобнее обстреливать город. Но башня была взорвана подкопом, и в небе кувыркались кровавые ошметки вражеских тел. Русские сами перешли в наступление, смяли ближние полки врагов, волокли за волосы в город пленных. Баторий отрядил своих гайдуков с кирками разбить стены, но, проделав дырки в стенах Пскова, гайдуки из этих «дырок» живыми так и не выбрались. Псковитяне отбивали штурм за штурмом, и германские ландскнехты первыми ударились в бегство... Поссевино писал: «Русские решительно защищают свои города, их женщины сражаются рядом с мужчинами, никто из них не щадит ни сил, ни крови; они согласны умереть с голоду, но они никогда не сдаются...» Наконец Баторию удалось поджечь город.

– Воды, воды, воды! – кричали славные витязи.

От реки бежали бабы с бадьями, падали под пулями, но их бадьи подхватывали старухи и даже дети. Воины, опустив мечи, жадно хлебали воду и, отерев бороды, снова кидались в кровавую сечу. Баторий осаду Пскова превратил в его блокаду. Воеводе Яну Замойскому он признался:

– Связавшись с Псковом, я уподобился человеку, который схватил волка за уши, а теперь сам не знает, что ему делать дальше: отпустить нельзя, но и далее держать его опасно...

Псков не сдавался! Начались заморозки, рать Батория таяла на глазах, и король, оставив Замойского под стенами Пскова, сел в сани и бежал в Варшаву, как в будущем побегит и Наполеон, бросивший на произвол судьбы свою «Великую армию».

Рим был оповещен обо всем: там знали, что Россия истощена, но у Батория тоже не осталось резервов. Потому-то Ватикан охотно принял посла Истому Шевригина, в его честь с фасов замка Святого Ангела палили из пушек. Москва сама пошла на поклон к престолу римскому; Истома приятно обнадежил папу, что Россия согласна вступить в антитурецкую лигу, но прежде Рим пусть покончит с войной, которую развязал Баторий.

Пушки салютовали не зря! Григорию XIII и синклиту его кардиналов казалось, что пробил вождеденный час – Русь, взывая о помощи, уже склоняет голову, покорно согласная подставить шею под ярмо папской власти. Академик Н.П. Лихачев еще в 1900 году высветил все подробности этого бесподобно дерзкого, но глубоко осмысленного шага русской дипломатии. Истома Шевригин пробыл в Риме целый месяц и – на удивление папы – не смущался посещать католические храмы, хотя не восхитился гармонией музыки Палестрины; он невозмутимо прослушал и пение Сикстинской капеллы. Посол «варварской» страны показал себя отличным и выдержанным дипломатом, ибо сумел выразить главное – веротерпимость! Но это дало Ватикану повод для надежд на то, что сейчас исполняются его давние упования...

Папа Григорий XIII созвал консисторию кардиналов:

– Русский царь пишет мне, что Стефан Баторий, сведя дружбу с ханом крымским, подбивает будущий союз христианской лиги, которую Русь не отвергает, согласная помочь Европе в ее давней борьбе с магометанским насилием. Я повелеваю легату Антонию Поссевино оставить короля польского и спешно ехать в Москву, дабы говорить с царем от моего имени...

Стефан Баторий отпустил Поссевино с гневом:

– Стоило этим русским варварам постучать пальцем в двери Рима, и папа предал меня ради союза с Москвою.

На этот раз Поссевино пренебрег обычаем иезуитов и, никогда не подымая глаз выше кадыка собеседника, вдруг пронзил короля своим острейшим взором, будто стрелами:

– Я везу в подарок царю список Флорентийской унии, и когда царь подпишет ее, вам не придется проливать кровь на стенах неприступного Пскова, ибо ваши пределы сами вторгнутся в глубину России, только не мечом, а – крестом... Рим не предал тронных надежд, он лишь расширил власть моих полномочий!

Первый раз Поссевино увидел царя в Старице; в окнах хором виделось близкое зарево пожаров. Иван Грозный преждевременно состарился, изнуренный блудом и жестокостями; историки указывают, что он пребывал в прогрессирующем угасании духа и воли. Его безмерная гордыня чередовалась с ненормальным смирением. Псков еще отбивал штурмы Батория, но царь уже осознал, что Ливонская война им проиграна. Он лишь едко усмехнулся, когда ему зачитали послание папы, желавшего крепкого здоровья его жене Анастасии, умершей двадцать лет назад. Поссевино вручил ему книгу о Флорентийской унии, богато украшенную золотыми буквицами, и этим подарком сразу дал понять, что все беды России легко исправимы, если русские не погнушаются принять унию, целуя туфлю с ноги папы римского.

Иван Грозный ответил уклончиво, что вопросы о вере истинной сейчас не суть главное, коли война продлевается:

– Сначала Руси моей замирение надобно...

Переговоры о мире Поссевино вел с боярами в деревне Киверова Гора близ Яма-Запольского, что южнее Пскова. Напичканный цитатами латинских классиков, главный идеолог Ватикана, высохший от сухоядения и молитвенных бдений, ютился в курной избушке, где сам топил печку. Его тщеславие было возбуждено до невыносимых пределов: он, сын жалкого бондаря из Мантуи, достиг таких непомерных высот, что сейчас решает вопросы войны и мира в странах, столь далеких от его родины. Но переговоры с русскими обычно кончались скандалами и угрозами. В одном эпизоде Поссевино заявил боярам:

– Если вы, не уступая мне в Ливонии, боитесь за свои головы, то я сам готов за вас отдать свою голову.

На это ему ответили:

– Эх, дурень! Да будь у нас даже по десять голов, царь срубил бы их все с плеч наших, ежели уступим в Ливонии...

Но бояре сплеховали в истории, и Поссевино, знаток древности, указывал им, что в хронологии мира они смещают события даже на 500 лет – к своей выгоде. Унижая и оскорбляя друг друга, обе стороны долго препирались, пока не согласились на перемирие сроком на 10 лет. Ям-Запольский мир – это скорбная страница русской политики, это трагедия для русских людей, рыдавших над покидаемыми могилами своих родичей, которые сложили кости на Ливонской земле, и потомки этих изгоев вернутся сюда уже с барабанным боем – в иной эпохе...

Поссевино исполнил роль миролюбца. Но зато проиграл в самом главном, ради чего и посылали его в Россию: не был решен вопрос об унии двух церквей. Иезуит поспешил в Москву, куда и прибыл сразу после похорон царевича Ивана, убитого в припадке гнева отцом. Куда пришелся удар царского посоха, в висок или в ухо царевича, – это не столь уж важно, если важно другое: династия Рюриковичей, рожденная в крови, в крови и сдыхала. Поссевино, дотошный, как и положено «псу Господню», тщательно анализировал материалы о последнем злодействе Ивана Грозного, идя, как следователь, по горячим следам преступления, за что ему благодарны позднейшие историки, тем более что русские источники об убийстве царем своего сына говорят очень глухо и невнятно.

Поссевино продолжил беседу с царем, начатую еще в Старице, и царь, едва отмыв руки от сыновьей крови, согласился на дискуссию о религии. Однако вопрос о принятии католической веры завершился легендарными словами Ивана Грозного:

– Твой папа – волк, а совсем не пастырь людской...

«И посол Антоней, – записано в протоколе беседы, – престал говорить; коли дей уж папа волк, и мне чего уж говорити?..» В памятной записке Поссевино оставил иезуитам наказ на будущее: с русскими в прения лучше не вступать, ибо любая дискуссия с ними может закончиться дракой. Я, автор, удивляюсь физической выносливости Поссевино: из Москвы он сопровождал до Рима русского посла, потом вернулся в Польшу, его видели в Трансильвании на диспутах с лютеранами, его влияние обнаружилось в Молдавии, где он заманивал людей в свои тенета, и, наконец, Поссевино возглавил работу иезуитской коллегии в Браунсберге (подле прусского Кёнигсберга), куда он собирал шведских, эстонских и русских студентов... Какие расстояния преодолевал он! Ему казалось, еще не все потеряно:

– Я ведь еще не закрыл свою русскую «лавочку»!

Поссевино написал книгу «Московия», которая выдержала несколько изданий подряд. Ему легко было писать, ибо (как стало известно позже) он имел при себе целый *мешок* с перепиской между царем и королем Баторием, и этот «мешок» ценнейших документов донныне хранится в архивах Ватикана, недоступных историкам. Между тем Стефан Баторий зверствовал в Польше; если царь душил своих бояр, то король свирепо рубил головы своим магнатам; если бояре, убоясь казней, раньше спасались в Польше, то теперь знатные ляхи убегали в Запорожскую Сечь, становясь там казаками. Полония при Батории покрылась иезуитскими школами: искусные диалектики, иезуиты из любой «овцы» стада Христова делали «пса Господня». Народ безмолвствовал, и только Рига ответила иезуитам восстанием...

Наконец Иван Грозный умер; анализ его останков, проделанный уже советскими специалистами, показал наличие в костях царя большого количества ртути, – так что царь опочил не своим духом. Смерть его оживила былые чаяния Батория, а Поссевино твердил королю, что московиты невыносимы в научных диспутах, их легче всего убеждать кнутом или мечом. Молодой папа Сикст V посулил Баторию 25 тысяч золотых скудо «для столь великого предприятия, каково было завоевание Москвы». Тогда же Рим указал Поссевино снова ехать в Москву, где стараться всеми силами подчинить слабоумного царя Федора. Но по дороге из Браунсберга

он узнал от гонца, что Стефан Баторий скоропостижно скончался в Гродно, и тогда Поссевино велел задержать лошадей, задумчивый, он выбрался из кареты.

– Стоило умереть царю Ивану Грозному, – сказал он, – и последнюю царицу Марию Наугу вместе с сыном ее царевичем Дмитрием сослать в Углич... не странно ли?

Свита папского посла выжидала, куда повернут кони: в Варшаву? в Москву? или... в Углич? Но Поссевино молчал. Потом долго натягивал на озябшие пальцы черные перчатки, сшитые из змеиной шкуры, и неспеша забрался обратно в карету:

– Поворачивай обратно – на Браунсберг!

Окончание нашей проклятушей истории лучше всего поискать в 1606 году, когда во Флоренции вдруг появилась загадочная книжонка о «чудесном юноше» Дмитриии, который чудом спасся от наемных убийц в городе Угличе, дабы по праву наследства занять московский престол. Брошюра эта, как доказано историками, была чуть ли не последним сочинением Антонио Поссевино – он делал роковой и решительный шаг перед могилой, выдвигая из потемок небытия авантюрную, почти непредсказуемую фигуру самозванца. Книжка о нем скоро была перетолмачена на все европейские языки, и тогда же Лжедмитрий сделался едва ли не самой популярной личностью в католической Европе.

К тому времени иезуитская коллегия в Браунсберге уже подготовила целую армию молодых и пылких проповедников, чтобы они – в обозах шайки Лжедмитрия – въехали в Москву. Все это время самозванцем руководил сам Поссевино, засыпавший его советами, как вести себя в России, что говорить, о чем молчать... У престола папы римского ликовали:

– Наша «лавочка» в России снова открывается для выгодной торговли, и глупая рыба сама лезет в наши сети...

Сам папа благословил самозванца, который отписывал в римскую курию буквально так: «А мы сами, с божьей милостью, соединение (церквей) сами приняли, и станем теперь накрепко промышлять, чтобы все государство Московское в одну веру римскую всех привести и костелы римские устроить...»

...Антонио Поссевино скончался в Ферраре в 1611 году – как раз в том страшном году, когда интервенты сожгли Москву. Но уже поднималась возмущенная Русь, и народное ополчение Минина и Пожарского спасло честь отечества. Через три столетия, в канун нападения гитлеровского вермахта на СССР, римские наследники Антонио Поссевино массовым тиражом отпечатали молитвенники на русском языке. Наверное, им казалось, что они последуют за танками Гудериана и Клейста, как когда-то волоклись на Русь по следам Батория и Лжедмитрия.

Но русская «лавочка» была для них закрыта...

Мангазея – златокипящая

У нас более знают о том, как погибла Помпея, засыпанная раскаленным пеплом, но мало кто извещен о гибели русской Мангазеи, скованной вечной мерзлотой.

Города, как и люди, имеют свои биографии, схожие с человеческими. В муках они рождаются, есть у них веселая юность, когда радуются каждой обновке, города навещают болезни и дряхлеют они, как и мы с вами, читатель. Бывают города-воители, что сражаются в войнах, велика боль их ранений, иные же подвергаются озлобленным ампутациям, когда рушатся их древние храмы, исчезают дома и целые улицы, их оскорбляют, награждая площади именами дураков и кретинов новой эпохи, и, уничтожив в городах все живое и драгоценное, узколобые архитекторы торопливо приделывают к ним грубые протезы – кварталы блочных домов, будущие клоповники и крысятники...

Во время для нас близкое (в 1973 году) на экспертизу палеопатологов, изучающих болезни наших далеких предков, полярные археологи представили останки скелета, на котором еще уцелели остатки меховой одежды.

– Перед вами мощи заполярного святого, канонизированного Русскою православною церковью под именем Василия-убиенного, а имя его связано с древней Мангазеей.

Ученые подтвердили, что церковно-народная легенда не расходится с выводами научной экспертизы: нет сомнений, что этот человек был убит в ранней юности, но перед кончиной он претерпел жестокие физические истязания, и смерть его была мучительной...

На месте процветавшей Мангазеи были обнаружены остатки литейного цеха, а в нем – свинцовые тигли, в которых когда-то плавился раскаленный металл. Пробы древней плавки были отправлены для анализа в лаборатории, и ответ был удивительным:

– Мангазейские мастера варили те самые руды, что по химическому составу очень близки к тем нашим рудам, которыми славится знаменитый Норильский комбинат...

В школах у нас учили, что основание Норильска связано с именами Ленина и Сталина, а оказывается, что учили-то неверно, забывая напомнить о наших далеких предках, создававших великую и могучую державу. Сейчас там, где шумел первый в России заполярный город, ныне поникла под ветром чахлая березовая рощица. А под мощным настилом мхов затаилась жизнь наших предков – непостижимая, как и этот заброшенный град-леденец, бывший когда-то «златокипящим»...

Теперь уже трудно представить себя в этом городе.

Не верится, что здесь когда-то звонили колокола церквей, созывающих к заутрене, купцы, позевывая, открывали лавки с заморскими товарами, в канцеляриях писаря бойко строчили ответные бумаги в Москву, богомазы выписывали Божью Матерь на иконах, а по уличным мосткам, сложенным из корабельных досок, гуляли мангазейские модницы, постукивая высокими каблуками нарядных туфель... Уж не приснилось ли нам все это?

Если Туруханский край и поныне остается нелегкодоступным, то, представляете, какая несусветная дичь царила в тех местах ранее... Был 1600 год, когда царь Борис Годунов повелел:

– В тех лдяных краях, где обретаются самоеды из племени мангазеев, городить острог Мангазею, и пусть тамошние народцы платят мне ясак соболями да песцовым мехом, и жить тамо указываю войску стрелецкому с купечеством нашим...

С людьми стрелецкими да торговыми поднялись в поход и люди гулящие, которым терять было нечего, а возглавил всю эту шатию-братию князь Мирон Шаховской. Буйная ватага плыла Обью до Березова, оттуда с товарами, в окружении собак да жен стрелецких, несущих младенцев, вошли в места совсем чуждые, неизвестные, гибельные. Где плыли водою, где брели по болотам, где катились на лыжах, где ехали на оленях. Лодки разбило, муку и толокно, крупы и соль растеряли в пути, подмоченные, – тащились в голоде. На себе несли свинец да порох –

для стрелецкого боя. Наконец, и боя не миновали: на отряд напали самоеды-возчики, разящие из луков, тут многие полегли костьми. Князь Шаховской, сильно раненный, с остатками людей все-таки отбил от нападавших, и добрались они до реки Таз, что выводила свое устье в буревой простор Обской губы.

– Велено нам острог закладывать в устье Таза, – сказал князь Мирон, – но сил не стало тащиться далее, смерть пришла неминуемая. Здесь и останемся. Ищите, люди, место утишное, чтобы в лесочке затаиться... тут и осядем.

Ч у д о... Только освоились, вдруг увидели, что подле их становища дремлет под снегом целый городок с избышками и амбарами, а на речке Осетровой (Мангазейке), что в Таз впадает, стыли поморские кочи, приплывшие сюда с Мезени и Пинегги, из Холмогор и Пустозерска. Внутри кочей и в амбарах нашли и припасы хлебные. Разом повеселел народ пришлый, начали строиться. Всю зиму рубили лес, ставили бревна торцами в землю – городили стену острожную. А весной вернулись к своим жилищам и сами хозяева, промышлявшие соболя в окрестных лесах и тундрах. Удивились, что на месте их становища уже целый городок вырос. Не ожидали охотники, что князь Мирон каждого десятого соболя отберет у них в казну царскую, после чего «целовальник» (таможенный) выдавал всем по бумажке.

– А на что она нам? – удивлялись поморы.

– А на то, дурень, что без такого «выпуска» из Мангазеи на Русь не отпустим, жену свою да деток не сповидаешь...

Все лето трудились, а под осень пришел на подмогу стрелецкий отряд князя Василия Масальского, с ним был и письменный голова Савлук Пушкин, он и предупредил Шаховского:

– Ты, князь Мирон, не ходи на Русь... затаись.

– Почему мне, русичу, на русской земле таиться?

– Времена худые пошли. Мор бесхлебный на Руси стался, Москва от нищеты и босоты нашей стоном стонет, сказывали, что и человечину поедать стали. А в землях Польских, ты о том ведай, сыскался вор Гришка Отрепьев, который под шапку Мономаха себя примеряет... Чуешь, какая смута грядет?

– А у вас благодать, – сказал Масальский. – Городок срубили вы славно, амбары непусты, а осетры в Мангазейке столь гулко плещутся, будто бабы стрелецкие порты полощут...

Начинались времена смутные, кровавые. Князь Мирон Шаховской с лязгом выложил на стол ключи от ворот острожных, взял с собою людей ратных и увел их на речку Турухан, где и заложил новый город – Туруханск... Такова была предыстория!

Когда прибыла на Мангазею новая артель мужиков-поморов, чтобы торговать с самоедами, пушнину у них добывая, то они и глазам своим не поверили. Вырос перед ними большущий острог, обнесенный частоколом великим, дымились трубы домов изрядных (воеводский даже в два этажа), высились сторожевые башни с бойницами, в кабак шастали стрелыцы трезвые, выходили обратно пьяные, а во дворе воеводы паслись две свиньи и коровы.

– Скотинка-то откеле у вас прибудилась?

– Да из Тобольска... от Москвы того не дождешься!

В съезжей избе стон стоял от обилия комаров, залетевших с болота, князь Масальский поморов винцом побаловал, не рычал, не скалился, а вот Савлук Пушкин комаров на себе бил, грозя:

– Нонеча времена пошли подлые, переменчивы, бояться вам надобно, дабы меня в гнев не ввести. Ежели с самоедью станете пушной торг учинять допреж того, как я с них ясак государев соберу, так быть вам всем от меня драными!

Ох, долог и страшен был путь до Мангазеи от родимых деревень в Кеми да на Мезени, где «бежали» парусом по воде, где волоком тащили корабли через тундру, и вот... Ради чего же страдали, сколько могил оставили на берегах океана страшного, Ледовитого, который к людям всегда безжалостен?..

– Царь-то Борис иные нам вольности жаловал, – заговорили поморы. – Али не ведомо людям московским, что по нашим пятам крадутся в эти края люди аглицкие да купчины голландские, они за тех соболей согласны всю тундру табаком засыпать да каждого самоеда пьяным сделать, чтобы мехов не жалел для них...

Савлук Пушкин сказал, чтобы они ему не перечили, ибо он все равно умнее, царя Бориса Господь прибрал, а ныне объявился новый царь – Дмитрий, коего в Угличе резали да не дорезали.

В острогах на Мангазее сидючи, не многое и узнаешь. В те смутные годы народ-то русский не сидел сиднем на месте – бежал в Сибирь, искал спасения от гибели и разладов в краях затобольских, куда и ворон костей не заносил, иные смельчаки добирались до Мангазеи, радуясь вольности казачьей, теплу в домах, где дров не жалели, и сытости застольной. В иных-то домах мангазейцы чешую белорыбицы с пола не выметали, она так и лежала вроде ковра пушистого – толщиной в два-три пальца... Правда, иной час наезжали на оленях и собаках самоедские племена из тундры, с утра до вечера осыпали жителей стрелами, но с башен острожных отгоняли их огненным боем из гремучих стрелецких пищалей... Так и жили!

Подобно всем, жил и тихий отрок Василий, взятый в услужение купцом Заварухиным из Ярославля, где он сиротствовал. Заварухин держал в Мангазее лавку, гвоздями торгуя весьма прибыльно, а малец ему прислуживал. Был этот купец жития непутевого, пьянственного, зазывал девок с улицы, чтобы пощупать их, за что горстью гвоздей с ними расплачивался. Заварухин всех людей бил, а побивая их, орал без боязни:

– Ежели кому от меня огорчительно, так зову всех в избу съезжую, где Савлук Пушкин в приятелях у меня...

Отрок же был настроения молитвенного, от вина отвращался, а хозяина не боялся он гневом божьим пугать да стыдил всяко, за что и бывал бит не однажды. На беду Василия, во время заутрени на Пасху (23 марта) люди лихие разворовали гвозди из лавки. Заварухин и стал избивать приказчика:

– Не ты ль, гугнявец, продал гвозди мои, чтобы выгоду свою иметь от меня? А ну – пошли до съезжей избы...

Там приятели выпили и стали избивать отрока, чтобы сознался, куда весь скобяной товар делся? Уж как молил их Василий, на иконе клялся в невинности, полы кафтанов своих мучителей рабски перецеловал – нет, им, пьяным-то, было только весело. Савлук Пушкин сунул в печь кочергу, раскалил ее докрасна и стал увечить отрока этой кочергой до тех пор, пока тот не затих на полу горницы. Потом взял связку ключей от крепости и громыхнул ею по голове.

– Савлук Иваныч, – сказал Заварухин, – а приказчик-то мой, кажись, не дышит... за сироту с нас и спроса не будет!

Убитого Василия ночью затиснули в гроб, а сам гроб запихнули под настил городской мостовой, сложенной из жердей да бревнышек шатучих. Под этой мостовой так и лежал Василий, скованный холодом мерзлоты, и лежал до самого 1642 года, когда случилась с Мангазеей беда великая.

Вот тогда-то отрок убиенный и восстал из гроба!

Нет, не сразу Мангазея обрела славу «златокипящей», ибо – по тем временам! – пушнина была сродни золоту и бриллиантам, а соболиный мех давал русской казне прибыль неслыханную. Но слава о «златокипящем» городе на самом краю света мирского скоро дошла до торговых контор Европы, о нем проведали купцы в Китае и в Персии, а после Смутного времени, когда на Руси воцарился первый Романов, на улицах Мангазеи стало привычно слышать бойкую речь черкес, литовцев или поляков, – это болтали сосланные сюда пленные из числа сторонников Лжедмитрия. По крепостным стенам Мангазеи важно похаживали, перекликаясь,

стрельцы в богатых кафтанах, с башен пасмурно озирали окрестности мордатые пушки, иногда гроыхали убийственные пищали...

О том, как жили в Мангазее, вольно или невольно предстоит перебрать скудный, но выразительный перечень археологических находок. Начну с шахмат. Без преувеличения скажу, что почти все арктическое побережье нашей державы было «усеяно» шахматными фигурами, ибо, чем иным, как не шахматами, наши предки могли скрасить часы долгого полярного одиночества под зазывание метелей! Находили серебряные монеты, чеканенные еще при царе Иване III, талеры от 1558 года, черепки китайского фарфора, столь драгоценного в те времена. Удивительно, что в Мангазее жило немало косторезов, почему археологи и нашли множество заготовок мамонтовых бивней. На кухнях были обнаружены солидные амфоры из-под винного бальзама и красивые формы для домашнего заливного или печенья. Немало попадалось детских игрушек и детские гробики, бережно обернутые в нетленную бересту. В домах литейщиков уцелели остатки воздуходувок (мехов) для плавления руд, а в домах сапожников большие запасы кож и сафьяна для выделки обуви, опережая моду на много столетий. Уже тогда мангазейские сапожники «ставили» женские туфли на высокие «шпильки» каблуков. Множество бочек и посуды! Но вся домашняя утварь была резная, красивая, с вычурными ручками. Лыжи попадались и беговые (спортивные) и промысловые (для охотников). Нашли даже остатки пивоваренного завода; была в Мангазее и своя ювелирная мастерская. Поражало обилие золотых вещей и женской бижутерии для дамских прихотей...

А каков же был сам город? Ставленный в устье речки Мангазейки, обрамленный могучим течением реки Таз, на которой дремали корабли, приплывшие издалека, этот город поражал воображение, имея до пятисот домов, в которых жили до трех тысяч человек (по тогдашним меркам – большой город!). Нерушимо и гордо высился Мангазейский кремль, за его неприступными стенами укрылись воеводские канцелярии, склады для хранения «рухляди» (т. е. мехов), осмиглавый собор и служивые строения. Возле кремля пригrelись, подымливая, уютные посады, кладбище и приходские церкви, амбары государственных житниц с запасами хлеба, монолитно и кряжисто осел двумя этажами гостиный двор, над фронтоном которого высилась башня с городскими часами. Многие корабли, доплыв до Мангазеи, здесь же и кончали свой век, разобранные на доски, чтобы жить далее скрипучими половицами в жилых горницах. Меха у богатых, рыбная чешуя у бедных заменяли мангазейцам ковры, а стены они крыли – вместо обоев – полосами пахучей бересты, что было очень красиво и даже полезно для блага здоровья... Так вот и жили! Жили – не тужили.

Образованный читатель сразу задаст мне вопрос:

– Погодите! Вот вы пишете тут – кремль, гостиный двор с башней, храмы и церкви, амбары... Как же созидали город на вечной мерзлоте, не ведая ее коварных законов, против которых бессильна и современная наука?

Отвечаю. Да, у нас давно существует целый Институт проблем вечной мерзлоты, дающий рекомендации градостроителям Севера, но – по их же рекомендациям – полярные города трещат по всем швам, дома кособочатся, расплзаясь по трещинам в стенах, жители боятся обвалов, как при землетрясениях. Зато вот в далеком от нас веке, любезный читатель, не было институтов с громадными штатами почтенных докторов и кандидатов технических наук, рассылающих рекомендации, но Мангазея стояла нерушимо, а вечная мерзлота врагом горожан не являлась. Как же так, спросите вы меня? А вот так – проще пареной репы. Археологи, копаясь на месте бывшей Мангазеи, обнаружили фундаменты зданий, которые имели как бы «подушку», чтобы домашнее тепло не тревожило вечную мерзлоту к ее опасному пробуждению. А сами дома они ставили на мягкую и пластичную «подушку» из древесной щепы, а береста (опять-таки береста!), которой прослаивали фундаменты, играла великую роль «гидроизоляторов», оберегая сохранность зданий. Вот за эту смекалку мангазейцы не просили царя-батюшку, чтобы наградил их учеными званиями, они – скромники! – не публиковали солид-

ных монографий, не просили гонораров за свои рекомендации, но из вечной мерзлоты, как видите, сделали себе даже союзника, ибо их погребя работали лучше наших кухонных холодильников...

Невольно вспоминается, что все новое есть лишь хорошо забытое старое!

А наш бедный Вася Мангазейский лежал под настилом мостовой, и над ним катились свадебные сани, громыхали по бревнам возы с мороженой стерлядью, ерзали сапожища посадских, игриво постукивали туфельки мангазейских красавиц, а он лежал и не ведал, что на Мангазею надвигалась гроза. Царю показалось, что для Мангазеи мало одного воеводы: чтобы один вор за другим вором приглядывал, он прислал в Мангазею сразу двух воевод, забыв при этом, что двух пауков в банку никто не сажает...

Имена отважных борцов за престол в «златокипящей» империи для потомства не пропали: первый воевода – Григорий Иванович Кокорев, московский плут и доносчик, мужлан завистливый и хитрущий, а второй воевода – Андрей Федорович Палицын, из дворян новгородских, дипломат зело тонкий, но во хмелю буен и гордыне непомерной снедаем... Спасские ворота раскрылись, принимая новых владельцев Мангазеи, звонили колокола церковей, стрельцы, не жалея пороха, палили из пищалей по воронам, из пушки стреляли по воробьям базарным, часы на башне вызванивали время, на улицах шумел народ, ремесленный и посадский, а бабы выволакивали своих сердешных да суженых из кабаков царевых, говоря им учтиво:

– Ты глянь, кто едет-то! Не все пить тебе – ты бы лучше на них посмотрел, какие они знатные, да и себя бы им показал...

Новые воеводы, не чета прежним, сразу объявили свой норов боярский: Кокорев, шествуя с женою в собор Троицкий, велел стрельцам нести пред собою меч, знамена и пищали боевые, а Андрей Палицын захотел в речке купаться и во время купания указал музыкантам играть на трубах да бить в литавры.

Кокорев не забыл указать Палицыну:

– Ты почто, будто еретик худой, чресла свои богомерзкие под музыку обмываешь? Не по-христиански то, не смиренно! Ты бы лучше в баньку сходил да попарился.

– А ты, – отвечал ему Палицын, – зачем кафтан свой, будто баба гулящая, ожерельем украсил, а прислугу свою прозываешь, словно царь, стольниками, дворецкими да постельничими?.. Лучше бы ты вшей из шубы своей вытрясал почуще!

Был 1629 годик, когда почалась меж воеводами свара великая – хоть святых выноси! Мангазея ведала один «государев котел» для добычи хмельного, из него и хлебали вино с пивом воеводы с посадскими, зазывая стрельцов да баб, кои повеселее. Но тут явился Кокорев, забрал «котел» для своих питейных нужд, а Палицын, тоже не дурак выпить, отъехал в посад, где и завел свой «котел», из которого и пил с людьми посадскими. Кокорев остался в кремле под защитою стрельцов и артиллерии, важничал, яко знатный боярин, а сынок его сопливый Ванюшка на крыльце хвастал прилюдно:

– Мои тятеньки, хоша и обышные дворяне, но государю московскому лучше братцев родных будут...

А уж как величалась мать-воеводица Марья Семеновна!

Бани в жизни русского народа всегда имели значение важное, почти государственное, но жена Кокорева сделала из «мыльни» своей главную канцелярию города. Вот заляжет с утра баба голая на верхнем полоке, грызет орешки да пряники, ублажают ее там вениками благоуханными, поддают на каменку медовым взваром или квасом малиновым, а по улице мангазейской, аж до самой баньки, точно кила худая, так и тянется очередь баб хожалых – с просьбами.

Часов по пять дрогли женщины на морозе, пока не предстанут пред светлые очи боярыни. Вот лежит она, ворочая на полоке пуды свои мяса да жира, изомлевшая от жара банного, а без

подарков – вот язва-то! – прощения не принимает, обратно гонит из «мыльни», говоря слова вредные и ззорные:

– Ты мне сначала уваженьице окажи, как и водится в странах просвещенных, а потом уж о деле сказывай... Нешто я тебе дура какая, чтобы даром твои плачи выслушивать!

Сунутся обиженные к мужу ее, а воевода Кокорев гонит назад хожалых – к женище своей, и потому говорили жители Мангазеи, что Марья Семеновна верный «наговор» знает:

– Она мужа-то своо кореньями змеиными опоила, а теперь, сказывают, кажинный день щи ему варит на листьях банных от тех веников, коими сама в мыльне парилась...

Иное дело – Палицын! Этот лихой новгородец, из кремля на посад съехавший, окружил себя простолюдием, а по знанию языка польского приманил к себе ляхов ссыльных. Здесь, на посаде Мангазеи, гульба шла веселая, злоречили в застольях противу Кокорева и жены воеводской, тянулись к Палицыну все обиженные, поморы да промышленники, скорняки да сапожники, литейщики да ездовых собак погонщики. Был среди них (кто бы вы думали?) и Ерофей Павлович Хабаров – тот самый землепроходец из Великого Устюга, в честь которого история потом нарекла славный город Хабаровск, а железнодорожную станцию назвала уважительно по его имени-отчеству – Ерофей Павлович. Сказывал тут Хабаров второму воеводе речи свои озорные:

– Ты, Андрей наш свет-Федорыч, тока свистни, так мы от кремля Мангазейского одни головешки оставим, а бабу кокоревскую начнем по сугробам валять да сосновым веником парить на морозце... Гляди, сколь голытьбы праведной на тебя налипло!

Кокорев грешил доносами царю на второго воеводу, но и Палицын не уставал тревожить царя-батюшку доносами на первого воеводу, а письма те от Палицына до Москвы проходили через руки самого Хабарова, человека проворного и смышленного. Год прошел, второй миновал, внове запылали божьи зарницы сияний полярных над крышами Мангазеи «златокипящей» – тут и война началась!.. Войне как раз время пристало. Кокорев совсем уж зарвался на мангазейском воеводстве. Заезжих из тундры самоедов грабил, спаивая, пушнину у них отбирал, говоря, что царь в ней нуждается, а всех соболей и песцов в свои закрома складывал; любил Кокорев пировать, зазывая к себе мангазейцев, но идущие на пир обязаны были подарки делать хозяину, «но подарки должны были быть хорошими, а не то бросались в лицо гостю, которого челядь при этом выпроваживала кулаками». Недовольство боярином росло в городе, и настал день, когда второй воевода, Палицын, опохмелясь доброю чарою, объявил народу, что отныне он в съезжую избу не ходок, обещал печать свою к казенным бумагам более не прикладывать:

– Покуда эта гнида в кремле сидит да шуршит бумагами, будто крыса худая, я не слуга царю, а с народом мангазейским буду завсегда рад дружиться и целоваться... Пушай на мой двор идут те, что на Кокорева и бабу его обижены, – я, вот те крест святой, всех уважу, от меня в слезах никто не утащится...

Позволю себе небольшое лирическое отступление. Тараканов тогда развелось в Мангазее – видимо-невидимо! Для меня, автора, таракан – это новость, ибо известно, что в Сибири они появились лишь в 1757 году, а в Россию он был завезен из Персии только при Петре I, откуда же, спрашивается, взялись тогда тараканы в нашей «златокипящей»? Думаю, что это был особый вид таракана – лапландской породы, обожавший вяленую рыбу, который и приплыл в Мангазею вместе с поморами... Вот раздавил Кокорев таракана пальцем па стенке и сказал слова вещие:

– Из посада грозятся мне головней с искрами, а я из кремля неприступного разорю их пушками, велю стрельцам своим свинцом посадских потчевать, о чем и объявить в соборе Троицком всенародно, чтобы потом не кричали, что – мол, не знают вины своей...

Палицын, о том прослышав, собрал народ в церкви Успения Богородицы и тоже возвестил об «измене» Кокорева, чтобы народ речей кремлевских не слушал, а внимал только речам посадским. Кокорев, узнав о таком призыве, велел стрельцам занять башни кремлевские

и стрелять в посадских, когда они из церкви станут по домам разбегаться. Но скоро в дело вступились горластые пушки – война началась. Посадский люд во главе с Палицыным и его племянниками, крича «С нами крестная сила!», кинулись на штурм цитадели, но одолеть ее стен не смогли... Кремль был осажден, началась блокада мангазейского гарнизона, что остался верен первому воеводе. Но жители Мангазеи обозов в кремль не пропускали, стрельцы стали вымирать от цинги, но от пушек они не отходили, расстреливая посадских людишек, яко врагов своих, по воле Кокорева ядрами был разрушен посад, разбили и гостиный двор, половина города оказалась в развалинах. Силы, однако, были неравными – у сторонников Палицина кончились припасы пороха, и он отступил к Енисейскому волоку, а потом отъехал в Москву, увозя с собою и те самые ядра, которыми Кокорев его обстреливал, и ту кучу ядер он представил царю в оправдание свое... Москва не судила его, а вскоре и Кокорева отозвали из Мангазеи, назначив воеводой в Чугуев – подальше от мест прибыльных.

Мангазея, будто заброшенная, притихла в сугробах, печально позванивая над тундрой колоколами храмов, но с того времени как-то померкла красота ее теремов, во мраке полярной ночи все реже хлопали двери кабаков, не слышались песни поморской вольницы. Да, читатель, приснопамятная вражда воевод подорвала бывшее экономическое могущество «златокипящей» столицы Русского Заполярья. Соболей стало меньше в окрестных лесных чащобах, купцы стали избегать наездов с товарами, гостиный двор опустел, в нем едва сводили концы с концами несколько опустевших лавок. Кое-кто из жителей подался в Туруханск, люди торговые владели жалкую жизнь в избах посада, говоря удрученно:

– Чтoб их всех разорвало! Верно ляхи сказывают: коли паны дерутся, так у холопов чубы трещат... Эвон, и лекарь сбежал! У детишек, коли зубы заболят, так мы чем поможем? Дадим каждому полено осинное – оно, ежели его у щеки пригреть, так боль-то зубную оттягивает. Кажись, и нам время, чтобы собак в нарты впрягать – ехать кудыть глаза глядят. Россия-то, чай, землицею не обижена – завсегда угол сыщем, нежели тута волков морозить.

В 1642 году лето выпало на диво жаркое, знойное, даже мхи на болотах дымились угарно. Новый мангазейский воевода Матюшка Бахтияров – по причине безграмотности – диктовал писарю, чтобы известил письменно царя московского:

– Извести государя нашего, мол, примечено ныне детишками и бабками, что тараканы мангазейские, в полки ратные собираясь, бегут прочь из города, и не видать ли, великий государь, в том тараканьем отступлении, – признака гнева Божия? И что нам, сирым, не бежать ли тоже из города – вослед тараканьему бегу?..

В самую-то жару «златокипящую» вдруг навестили самоеды окрестных племен, привезли они в город товары свои немудреные, с какими и всегда приезжали, – разложили на улицах свертки бересты и таловые стружки, которые в Мангазее употреблялись как посудные полотенца. На приезжих и внимания-то не обратили, а стрельцы с вышек не заметили, что громадный табор племен не вошел в город за торгующими, оставаясь на окраине города. Но вот из табора самоедского вдруг прилетела в Мангазею одинокая стрела, развеваясь сигнальной лентой, и разом были подожжены разложенные для торга береста и стружки. Горящие снаряды поджога самоеды мигом разбросали повсюду – и Мангазея запылала со всех сторон. В городе началась паника, а тех, кто пытался тушить пожар, дикари расстреливали из луков, и тут многие пали замертво, сраженные на порогах своих жилищ.

– Не сдавайтесь, православные! Стрельцы, оградите нас...

Невыносимый жар объял пылающую Мангазею, и тут вечная мерзлота, повинувшись своим древним законам, явила ч у д о...

Нестерпимый жар вдруг с треском раскрыл мостовую, словно шкатулку, а между бревен, охваченных пламенем, вечная мерзлота будто расколола надвое почву, из которой стал медленно подниматься гроб, и этот гроб сам по себе открылся, явив перед мангазейцами Василия, невинно убиенного!

Руки его, сведенные вечным холодом, вдруг под воздействием жара стали судорожно вздыматься, словно Василий благословлял в муках погибающий город.

Так вечная мерзлота, жившая своими капризами, в единоборстве с огнем, предпослала людям еще один из примеров своих донныне не разгаданных тайнств...

До чего же тяжка сердцам пришлым, душам нездешним ночь полярная, беспросветная. Сполохи небесные, что узрел я в годах своей вольной юности, освещали глади заснеженные, а меж ними, на краю замерзшей реки, стыла моя любимая Мангазея – город моих пращуров, переживший небывалый расцвет, весь в звоне тяжелого золота, в ласковой нежности драгоценных мехов, – город, познавший горечь беды и страданий, дряхлеющий на пороге белого света прежде времени. Увы, прежде времени... Заложенный по указу Бориса Годунова, он завершал свой жизненный путь в царствование тишайшего царя Алексея Михайловича.

Странный город – и судьба его тоже странная!

За время существования Мангазеи я насчитал трех мангазейских воевод из рода дворян Пушкиных, предков великого поэта; там же, в этой «златокипящей», я встретил Боборыкина, Танеева, Елчанинова, Давыдова, Нелединского, князя Вяземского, Неелова и даже Плеханова, – людей, потомки которых, так или иначе, обогатили не только русскую казну, но и саму историю нашего государства...

После чудовищного пожара, истребившего почти весь город, Мангазея уже не могла оправиться, быстро скудея, она и обезлюдела. Редкие дома еще подымливали трубами, в кузницах редко стучали молоты, угасал огонь в горнах литейщиков, перестали раздуваться обширные «гармошки» воздуходувок.

Сейчас в нашей стране немало мечтателей, желающих восстановить Мангазею в ее былом и праздничном великолепии – как музей под открытым небом, чтобы мы смотрели, чтобы дивились, чтобы сравнивали, чтобы не забывали... Вряд ли, однако, эта мечта исполнима, если даже в центре нашей разоренной страны доселе погибают безо всякого призора ценнейшие памятники нашего славного и невозвратного прошлого!

Петр I уже лежал в младенческой колыбели, улыбаясь беззубым ртом, когда из Москвы последовал грозный указ царя – Мангазею оставить на волю Божию, гарнизону и жителям город покинуть, и пусть «златокипящая» умрет сама по себе, оставшись в народной памяти подобно легендарному граду Китежу...

Был 1672 год, когда, не закрыв в домах двери, часто оглядываясь назад, жители Мангазеи вышли из города. И когда, плачущие, озирались они, то видели, что над крышами домов, над куполами храмов кружили небывалые скопища птиц, которые все разом поднялись над городом, крича о чем-то своем, погибельном, и, казалось, птицы просили людей вернуться, чтобы они не остались одни в этом мертвом городе с дверями, открытыми настежь.

Что-то мне это напомнило... что?

Память подсказала недавнее – близкое, недоболевшее.

Когда наш незабвенный Лазарь Моисеевич взорвал московский храм Христа Спасителя, вот так же сутками кружили над руинами храма птицы, не покидавшие той безмерной высоты, на которой они привыкли видеть яркое золото наших православных крестов...

Грустно, читатель! Но в любом случае я хотел бы прожить такую же долгую и такую же бурную жизнь, какая выпала Мангазее... Златокипящей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.